

УДК 141.1 + 17.022.1 + 316.6

Философия стоицизма в критической перспективе: к проблеме дезинфантилизации субъекта в эпоху системной зависимости

Автор: Сахневич Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент. Институт деловой карьеры – заведующий кафедрой лингвистики

*Протоиерей Андрей Ткачев:
«Стоики подготовили почву
для семян Евангелия»*

(О христианских и не христианских добродетелях)

Аннотация. Статья посвящена решению актуальной проблемы достижения экзистенциального суверенитета в условиях системной эксплуатации человеческой зависимости парадигмой «внешнего», свойственной идеологическим и научным системам. Многие религиозные системы, такие как католицизм, протестантизм, иудаизм и буддизм, часто культивируют подход к религии как к средству облегчения человеческой участи, что в определенной степени может быть характерно и для Православия. Однако в рамках последнего, в частности у таких влиятельных фигур, как протоиерей Андрей Ткачев, наблюдается принципиально иная тенденция, черпающая вдохновение в философии стоицизма. Стоики, в противовес поиску внешнего утешения, фактически возводили осмысленное страдание в культ добродетели и внутренней стойкости. Эта мировоззренческая позиция оказывается глубоко соприкасающейся с аскетическим ядром первоначального христианства. Если в иудейской традиции молитва часто направлена на испрашивание у Бога облегчения земных тягот, то в радикальной христианской аскетике возникает парадоксальная для внешнего наблюдателя установка: верующий просит не о снижении страданий, а о их увеличении, что является формой духовного подвига. Таким образом, Православие, через обращение к стоическим практикам, предлагает не бегство от реальности, а методологию трансформации страдания через его добровольное принятие и когнитивную переоценку. Это позволяет рассматривать стоицизм не как исторический артефакт, а как жизнеспособную стратегию обретения внутренней автономии – экзистенциального суверенитета. В условиях современных кризисов такой инструментарий демонстрирует высокую практическую ценность, формируя психологическую устойчивость и когнитивный иммунитет, выводя личность из-под власти внешних обстоятельств.

Ключевые слова: апелляция к внешнему источнику легитимации смысла; достижение экзистенциального суверенитета; кризис больших нарративов; стоицизм как метод деконструкции механизмов зависимости; триединый экзистенциальный запрос как архитектура любых мировоззренческих систем.

Введение

Фундаментальным двигателем человеческой истории, культуры и духовных исканий является устойчивый экзистенциальный запрос, пронизывающий все эпохи и цивилизации. Этот запрос, по сути, триедин: *избавление от страданий, устранение тревоги и обретение удовольствия или блаженства*. Эти три вектора определяют архитектуру любых мировоззренческих систем – от древнейших мифологий и религиозных доктрин¹ до современных светских идеологий и научных картин мира. Каждая из них предлагает свой путь катарсиса, свой рецепт спасения от экзистенциального бремени, обрекающего человека на боль, страх и неудовлетворенность². Современная «доктрина» успеха и гиперпотребления апеллирует к удовольствию через безостановочное обладание, сиюминутному и умножаемому, превращая человека в вечного искателя внешних стимулов. Даже наука, этот столп рациональности, в массовом сознании часто выполняет квазирелигиозную функцию, обещая избавление от страха перед болезнями, хаосом и неизвестностью через тотальное познание и технологический контроль над природой и телом.

Однако, при всей кажущейся разнородности этих проектов их объединяет одна глубинная, структурообразующая черта: апелляция к внешнему источнику легитимации смысла, будь то милость высших сил, невидимая рука рынка, авторитет Науки с большой буквы, обещания Государства или магия потребительского фетиша – спасение, утешение и оправдание человеческого существования ожидаются извне. Каждая из них, как показали Фейербах, Фейерабэнд, Рэнд и другие критики, воспроизводит все ту же инфантилизирующую модель, эксплуатируя базовые человеческие слабости. Эта парадигма, по сути, конструирует инфантильную субъектность, позицию вечного просителя, чья судьба зависит от правильного соблюдения ритуалов (молитва, покупка, карьерный рост, следование методике), лояльности системе и получения одобрения от внешней инстанции.

Этот извечный поиск вовне порождает фундаментальное и неустранимое **противоречие**: системы, призванные избавить от страха, сами его культивируют – страх ошибиться, отпасть от благодати, оказаться неудачником, не соответствовать стандарту, список – бесконечен. Стремясь удовлетворить алчность к блаженству, они разжигают ее до состояния перманентной ненасытности, ибо каждое достигнутое благо оказывается симулякром, за которым проступает следующее. Таким образом, человек оказывается в ловушке: провозглашенная цель – освобождение – на практике оборачивается усилением пут. Зависимость от внешнего не только не разрешает экзистенциальные тревоги, но и систематически подрывает возможность обретения внутреннего

¹ Сумедхо А. Четыре благородные истины. М.: Т8 Издательские Технологии, 2022. С. 79.

² Новый Завет (Господа Нашего Иисуса Христа). СПб.: СЗКЭО, 2024. С. 499.

суверенитета – способности личности черпать силу, смысл и устойчивость из собственных ресурсов разума и воли.

В условиях современного мира, переживающего кризис «больших нарративов» – марксизма, либерализма, анархизма и многих других «измов»³, эта проблема обостряется до предела. В связи с этим возникает **проблема** данного исследования: как достичь экзистенциального суверенитета в условиях системной эксплуатации человеческой зависимости? Иными словами, как преодолеть парадигму внешнего, не впадая при этом в новые формы идеологического или экзистенциального отчуждения, и сформировать практики внутренней свободы, устойчивые к манипулятивным механизмам современных мировоззренческих систем?

Ответ на этот вызов, как представляется, лежит не в изобретении очередной утопии, а в реабилитации древней, но обретающей новую актуальность философской традиции – стоицизма. В отличие от систем, апеллирующих к внешнему спасению, стоицизм предлагает радикальный поворот вовнутрь. Его ключевой тезис заключается в том, что источник страдания, тревоги и ложных удовольствий коренится не в самих внешних событиях, а в наших оценочных суждениях о них. Путь к свободе и невозмутимости (атараксии) лежит не через переустройство мира в соответствии с нашими желаниями и страхами, а через переустройство собственного восприятия, через обретение власти над собственным разумом.

Примечательно, что критика парадигмы «внешнего спасителя» и поиск зрелой альтернативы находят отклик не только в светской философии, но и внутри самой религиозной традиции. В частности, в современном Православии, в трудах таких влиятельных проповедников, как протоиерей Андрей Ткачѳв, обнаруживается осознанная рецепция стоицизма. Отец Андрей неоднократно указывал, что «стойки подготовили почву для семян Евангелия», видя в стоической этике мужества, самодисциплины и принятия промысла предвосхищение христианского идеала несения своего «креста»⁴. Это указывает на то, что предлагаемый стоицизмом поворот от пассивного ожидания чуда к активной работе над собой и принятию ответственности резонирует с аскетическим ядром первохристианства, представляя собой не антирелигиозный, а, в определенном смысле, прото- или мета-религиозный путь деинфантилизации субъекта.

В данной статье будет обоснована **гипотеза** о том, что стоицизм, с его строгой дихотомией контроля, акцентом на добродетель как высшее благо и набором конкретных ментальных практик, представляет собой не просто исторический философский курьез, а жизнеспособную методологию достижения экзистенциального суверенитета. Он предлагает не догму, а инструментарий для формирования личности, способной противостоять манипуляциям, порождаемым как традиционными религиями, так и современными «светскими

³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 75.

⁴ Протоиерей Андрей Ткачѳв. Четыре главные добродетели: Мудрость стоиков и Евангелие [Видеозапись] // Святая проповедь. – 2019. – 5 сент. – URL: <https://ok.ru/video/1573350475097> (дата обращения: 15.07.2024).

культурами», и обрести подлинную автономию в мире, перенасыщенном соблазнами и страхами.

Методы исследования:

- компаративный анализ: сопоставление структурных элементов стоицизма и других мировоззренческих систем по критериям: источник спасения, отношение к страданию, механизм работы со страхом.

- текстуальный анализ: интерпретация ключевых текстов стоиков (Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет) для выявления их практической, а не только теоретической составляющей.

- феноменологическая редукция: рассмотрение феноменов страха, тревоги и алчности не как объективных данностей, а как продуктов оценочных суждений, что соответствует стоической онтологии.

- философская герменевтика: истолкование классических текстов через призму проблем современности для выявления их актуального звучания.

Гетерономия

Фундаментальным парадоксом человеческого существования является то, что системы, созданные для его облегчения, по большей части лишь усугубляют его изначальную несвободу. Этот парадокс проистекает из универсального механизма – апелляции к «внешнему», инстанции, локализованной за пределами собственного «Я» и наделенной правом даровать спасение, смысл, легитимность и покой. Генеалогия этой зависимости раскрывает не случайную культурную черту, но структурную константу в архитектуре человеческого духа, принимающую различные исторические обличья, но сохраняющую единую сущность – систематическое отчуждение внутреннего суверенитета.

Секуляризация Нового времени, провозгласившая «смерть Бога», не отменила парадигму внешнего спасителя, но осуществила её рискованный перевод в имманентный план. Освободив индивида от традиционной религии, модерн не предоставил ему инструментов для построения внутренней крепости, породив экзистенциальный вакуум. Этот вакуум были призваны заполнить самые различные философии. Например, философия Айн Рэнд предлагает не бегство от свободы, а её сознательное и героическое принятие. Айн Рэнд видела в капитализме и радикальном индивидуализме единственную моральную систему, а не просто экономическую модель. Однако, эта «доселе невиданная свобода, которая неизбежно вызывает глубочайшее ощущение незащищенности, бессилия, сомнения, одиночества и тревоги», оказывается непосильным бременем для большинства. Вместо того чтобы последовать её призыву к личной ответственности и творческой самореализации, люди массово бегут от этого идеала.

Они находят убежище в социализме и других коллективистских утопиях, которые сулят избавление от тревоги индивидуального выбора через растворение в массе. Это бегство принимает форму грандиозного проекта по избеганию работы над собой. Вместо того чтобы стремиться к атараксии и внутренней дисциплине, индивид бросает все силы на переустройство внешней реальности,

например, устроить октябрьскую революцию вместо того, чтобы строить карьеру юриста, каковым стал выбор Ленина⁵. Таким образом, социализм и прогрессизм становятся новыми светскими религиями, ведь недаром моральный кодекс строителя коммунизма – это выдержка из Библии⁶.

Ницшеанская «воля к власти (над собой)»⁷ вступает в радикальное противоречие не с моралью как таковой, а с моралью как социальным конструктом, направленным на нивелировку и подчинение. Если для Дьюи «рост как таковой есть единственная моральная “цель”»⁸, то для Ницше сама мораль, понимаемая как система готовых, навязанных извне предписаний, становится главным препятствием для подлинного роста – самопреодоления.

Современная психология, в лице Кэрол Дуэк, подтверждает этот тезис, показывая, что «зацикленность на собственной индивидуальности может закрыть двери для новых идей, взаимодействий и возможностей»⁹. Это создает парадоксальную ситуацию: системы, провозглашающие развитие и рост (будь то личностный тренинг или идеология бесконечного прогресса), на деле блокируют его, предлагая готовые, шаблонные модели идентичности и успеха. Человек не растет, а лишь примеряет на себя новые костюмы, оставаясь в плену инфантильной зависимости от внешних образцов для подражания. Мораль в таком прочтении становится не стимулом к внутренней работе, а инструментом консервации существующего невроза, социальным анальгетиком, заглушающим экзистенциальную боль, но не излечивающим ее причину.

Наиболее изощренной и потому коварной формой экстернализации в современности выступает сциентизм – вера в то, что научный метод является единственным легитимным источником истины и спасения. Пол Фейерабенд в своей радикальной критике демонстрирует, что «авторитет крупных ученых давит на их последователей с той же слепой и безжалостной силой, что и авторитет создателей и жрецов мифа на верующих. Наука, освободившая мир от суеверий, сама превратилась в новый духовный аппарат, где «абсолютное господство куновской парадигмы над душой и телом ученых-рабов – вот правда о науке». Это господство маскируется под объективность и рациональность, но по сути является формой идеологической гегемонии. Государство и наука вступают в симбиоз: «На развитие научных идей расходуются громадные средства», что превращает научное сообщество в привилегированную касту, чьи истины становятся обязательными для всех. При этом наука, как и религия в свое время, «вытесняет позитивные достижения более ранних эпох»¹⁰ – миф, традиционное знание – обедняя тем самым спектр человеческого опыта и создавая новый догматизм, столь же нетерпимый, как и религиозный. Сциентизм предлагает свое решение экзистенциальных тревог: спасение через технологию,

⁵ Рэнд А. Капитализм: незнакомый идеал / с добавлением статей Натаниэля Брандена, Алана Гринспена и Роберта Хессена. М.: Альпина Паблишер, 2011. С. 347, 386.

⁶ Путин сравнил коммунистическую идеологию с христианством // ТАСС. 2018. 14 янв. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4872596> (дата обращения: 05.10.2023).

⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Прогресс, 1994. С. 435.

⁸ Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. С. 38.

⁹ Dweck C. S. Mindset: The New Psychology of Success. New York: Random House, 2006. С. 123.

¹⁰ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ : Хранитель, 2007. С. 10, 19, 26.

бессмертие через крионику, счастье через нейробиологию. Но это – все тот же старый «опиум народа»¹¹, лишь в новой, технологичной упаковке, усугубляющий зависимость и откладывающий подлинное взросление. Фейерабенд доводит критику до логического предела, призывая «освободить народы от духовной диктатуры и государства, и науки»¹².

Религия: между инфантильной зависимостью и аскетическим поворотом

Не является исключением и религиозное сознание: «...человек ищет успокоения в религии, религия – его высшее достояние...»¹³. Религия системно осуществляет операцию инверсии и отчуждения: внутренние человеческие качества – разум, любовь, справедливость – проецируются вовне, гипостазируются в атрибуты трансцендентного Существа, которое затем предстает как источник этих же качеств для человека. Человек, по сути, поклоняется собственной отчужденной сущности, вступая с ней в отношения зависимости и вымаливая у нее то, чем изначально обладает. Сравнительный анализ религиозных форм – от тотальной регламентации жизни в иудаизме¹⁴ до акцента на внутренней чистоте в буддизме – демонстрирует не различие сути, а лишь вариативность стратегий одного и того же процесса.

Однако, было бы неверным представлять религиозное сознание как монолитный феномен инфантильной зависимости. В православной аскетической практике, мы находим мощную струю, парадоксальным образом сближающуюся со стоическим идеалом. Если для массового религиозного сознания характерна молитва как просьба об облегчении участи, то в практике святых и подвижников мы встречаем иную, «стоическую» по своему духу установку: просьбу о даровании сил достойно нести посланные страдания, а в пределе – и молитву об увеличении скорбей ради духовного совершенства. Эта позиция, ярко пропагандируемая протоиереем Андреем Ткачёвым, радикально пересматривает отношение к страданию: оно воспринимается не как наказание или зло, которое нужно устранить молитвой-просьбой, а как материал для духовного роста и «спасительный огонь», очищающий душу.

Коперниканский переворот стоицизма

Возникает закономерный и предельно острый вопрос: что дальше? Существует ли мировоззренческая позиция, которая не просто избегает ловушек «внешнего спасителя», но и конструктивно отвечает на триединый экзистенциальный запрос, не впадая при этом в нигилизм, цинизм или новую форму духовного нарциссизма? Ответом, как представляется, является стоицизм – не как музейный экспонат истории философии, а как живая и радикальная

¹¹ Маркс К. К критике гегелевской философии права // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Marks.K%20kriike.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

¹² Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 6.

¹³ Фейербах Л. Сущность христианства. СПб.: Прометей, 1908. С. 36, 54, 44.

¹⁴ Талмуд. Мишна и Тосефта. Т. 1. СПб.: Издание П. П. Сойкина, 1902. С. 73.

практика, осуществляющая коперниканский переворот коперниканского переворота в экзистенциальной позиции человека. Стоицизм предлагает не замену одного спасителя на другого, а полный и бескомпромиссный отказ от самой парадигмы спасения извне, заменяя ее парадигмой внутреннего суверенитета и самопринадлежности. Сенека: «До каких пор мы будем чего-нибудь требовать от богов, словно не можем еще сами себя прокормить?»¹⁵.

Краеугольным камнем стоического подхода является фундаментальный сдвиг: от попыток изменить мир к работе над изменением собственного восприятия мира. Это не пассивная капитуляция, а активная и стратегическая передислокация усилий *terra incognita* внешних обстоятельств на суверенную территорию собственного разума. Ключевой вопрос стоика – не «Как мне избежать этого?» (что немедленно ставит человека в позицию просителя или беглеца), а «Как мне правильно к этому отнестись?». Этот вопрос переводит проблему из плоскости онтологии событий в плоскость этики и эпистемологии суждения. Как наставлял Эпиктет, людей расстраивают не сами вещи, а их мнения об этих вещах. Внешнее событие – будь то болезнь, потеря богатства или социальная несправедливость – является индифферентным (адиафорон); оно обретает негативную или позитивную валентность исключительно через призму нашего оценочного суждения. Источник страдания, который все предыдущие системы искали и пытались нейтрализовать вовне, стоицизм локализует внутри сознания индивида. Это не значит, что страдания не существует вовне – оно значит, что его экзистенциальная власть над нами рождается и может быть упразднена только внутри нас. Эта позиция снимает с мира ответственность за наше душевное состояние и возлагает ее на нас самих, что является актом предельной экзистенциальной зрелости.

Практическим инструментом, воплощающим этот сдвиг в повседневность, является знаменитая дихотомия контроля. Эпиктет формулирует ее с кристальной ясностью: «Из всех вещей одни находятся во власти нас, другие – нет. Во власти нас – мнение, стремление, желание, уклонение – одним словом, все, что является нашим собственным делом. Не во власти нас – наше тело, наше имя, слава, власть – одним словом, все, что не является нашим собственным делом»¹⁶. Эта дихотомия – не умозрительная концепция, а оперативный психический механизм, ментальный скальпель, позволяющий мгновенно отделить область своей ответственности и компетенции (внутренний полюс) от области безразличной случайности (внешний полюс). Вся энергия, которую религия тратит на молитву, идеология – на борьбу с инакомыслящими, а консьюмеризм – на погоню за симулякрами, стоицизм направляет в единственно продуктивное русло – работу над собственным разумом, суждениями и установками. Страдания, тревоги и погоня за удовольствием, как демонстрирует стоический анализ, рождаются именно из смещения полюсов – из тщетных и потому невротических попыток контролировать неконтролируемое (внешние события, мнения других, прошлое) и из безответственного нежелания

¹⁵ Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. М.: АСТ, 2018. С. 171.

¹⁶ Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 5, 1.

контролировать то, что абсолютно в нашей власти (собственные оценки и реакции). Дихотомия контроля – это технология психической гигиены, которая систематически очищает сознание от импотентного беспокойства о том, что от нас не зависит, и концентрирует волю на единственно доступном и поистине безграничном поле деятельности – мы сами.

Именно этот инструментарий позволяет стоицизму дать радикально иные, по сравнению с рассмотренными системами, ответы на три экзистенциальных запроса и будет перепрошивкой человеческой программы.

Страдание в стоической системе не устраняется магическим жестом или внешним вмешательством, но переосмысливается и тем самым обезвреживается. Страдание – это не само событие (боль, утрата, несправедливость), а наше суждение о нем как о невыносимом зле. Стоик не отрицает физической или эмоциональной боли; он отказывается давать ей окончательную и разрушительную экзистенциальную оценку. Через принятие и когнитивную переоценку (как в современной КПТ, у истоков которой, не случайно, стояли идеи стоиков) страдание теряет свою метафизическую власть над личностью. Оно становится не наказанием, не испытанием на пути к награде, и не бессмысленным злом, а материалом для добродетели. Переноса его с достоинством, человек упражняет свою высшую способность – разумную волю, тем самым утверждая свой суверенитет даже в условиях крайнего внешнего давления. «Мешает не само действие, – пишет Марк Аврелий, – а твое суждение о нем»¹⁷. Данная стоическая трансформация страдания через его когнитивную переоценку и добровольное принятие находит глубокий отклик в православной аскетике. Как и стоик, христианский подвижник видит в страдании не бессмысленное зло, а орудие терапии души, средство отсечения своеволия и воспитания смирения. Преподобный Исаак Сирий называл скорби «очистительным огнем», приготавливающим душу к единению с Богом. Эта логика, созвучная *amor fati*, но облеченная в теистическую форму, была актуализирована в современных проповедях протоиерея Андрея Ткачёва. И стоицизм, и глубинная православная аскетика сходятся в одном: страдание – это вызов, который необходимо принять и обратить во благо, а не пассивно ожидать его устранения извне.

Тревога и страх устраняются не через веру в защиту высших сил или технологический прогресс, а через систематическую подготовку ума (*premeditatio malorum*). Мы тревожимся о будущем, которое по определению не контролируем. Стоик не прячется от этой истины, а делает ее своим оружием. Он мысленно готовится к невгодам, детально проживая в воображении возможные потери, неудачи и катастрофы. Эта практика – не мазохизм, а вакцинация духа. Лишая будущие невгоды элемента неожиданности и новизны, стоик лишает их и главной силы – силы пугать и парализовать. Он превращает потенциальную катастрофу в знакомый, уже продуманный сценарий, к которому у него есть внутренний план действий. Как пишет Сенека, «тот, кто заранее

---

¹⁷ Марк Аврелий Антонин. Размышления. М.: АСТ, 2018. С. 29, 32, 47.

предвидел приход несчастья, встретил его во всеоружии; на внезапные же напасти неожиданно смотрят даже те, кто силен». Сходство между описанной стоической практикой *premeditatio malorum* и православным мировоззрением действительно глубокое и проявляется на нескольких ключевых уровнях, образуя единую линию духовной психотехники. Прежде всего, это сходство заключается в фундаментальном трезвом и реалистичном взгляде на человеческое существование. И стоицизм, и Православие с полной серьезностью принимают тот факт, что жизнь в мире сопряжена со страданиями, потерями, болезнями и в конечном счете смертью. Оба ухода категорически отвергают наивный оптимизм и бегство в иллюзии благополучия, предлагая вместо этого смело смотреть в лицо суровой реальности. Эта общая установка рождает и схожесть в методах работы с сознанием. Практика мысленного предвосхищения бед (*premeditatio malorum*) оказывается крайне близкой православному упражнению «памятования о смерти» и «размышления о суете и тленности всего земного». В обоих случаях человек систематически призывает в ум не радужные перспективы, а самые тяжелые сценарии: потерю близких, крушение карьеры, неизлечимую болезнь, собственную кончину. Цель этой духовной «вакцинации», как вы точно назвали, в обеих традициях одинакова – лишить будущие невзгоды их главной разрушительной силы, силы элемента неожиданности, которая парализует волю и рождает панику. И для стоика, и для православного христианина эта практика является формой активной внутренней работы, создания некоего психологического и духовного иммунитета. Результат этой работы также оказывается удивительно схожим: тревога и страх, порожденные неопределенностью, замещаются состоянием глубокой готовности и спокойного принятия. Внутреннее смятение сменяется не пассивностью, а особым видом мужества – способностью встретить любой поворот судьбы с сохранением внутреннего мира и ясности духа. И Сенека, и святые отцы говорят об этом практически одинаковыми словами: предвидевший несчастье встречает его во всеоружии, в то время как неожиданная беда сокрушает даже сильных.

Удовольствие в стоической иерархии ценностей не просто низвергается, но занимает строго подчиненное, периферийное место. Его место в качестве высшего блага занимает Виртус (Добродетель) – жизнь в согласии с собственной разумной природой и универсальным логосом. Удовольствие – это возможный, но нежелательный и крайне ненадежный побочный продукт правильной жизни. Погоня за ним, возведенная в ранг цели (как в гедонизме или консьюмеризме), рассматривается стоиками как главный источник беспокойства и зависимости, ибо она отдает внутреннее состояние человека на милость внешних, неконтролируемых и преходящих обстоятельств. Истинное же благо – добродетель – находится полностью в нашей власти. Его невозможно отнять ни при каких условиях, что делает его единственным надежным фундаментом для экзистенциального суверенитета. Высшее благо – в том, чтобы избрать разумное и не отступить. Для кого это благо, у того дух покоен и навеки с собою в ладу.

Сходство между стоической иерархией ценностей и православным мировоззрением в этом аспекте является глубоким и структурным, образуя параллельную духовную топографию. Обе системы решительно низвергают

удовольствие и комфорт с пьедестала цели человеческой жизни, видя в их погоне источник порабощения и духовной неустойчивости. Для обеих конечное благо человека лежит не в сфере внешних, преходящих и неподконтрольных вещей, а во внутреннем, суверенном состоянии личности – у стоиков это жизнь в согласии с разумной природой и Логосом (Виртус), в Православии — жизнь в соответствии с волей Божией, обретение святости и стяжание благодати, что также понимается как раскрытие в себе подлинной, God-given природы. В этом смещении фокуса с внешнего на внутреннее и заключается ключевая стратегическая параллель: и та, и другая традиция предлагают человеку перенести источник своего удовлетворения и идентичности с хрупких и ненадежных объектов мира на нечто неотчуждаемое и прочное. Для стоика это его собственная добродетель и нравственная целостность, которую нельзя отнять даже под пыткой; для православного христианина это его отношение с Богом, состояние его души, которое также сохраняется независимо от внешних обстоятельств, будь то богатство или нищета, здоровье или болезнь.

Закономерным становится вопрос о его практической применимости в контексте вызовов XXI века. Актуальность стоицизма сегодня определяется не столько его исторической ценностью, сколько его уникальной способностью предлагать структурные ответы на системные патологии современности, с которыми не справляются ни традиционные религии, ни светские идеологии. В эпоху, которую Ульрих Бек охарактеризовал как «общество риска»¹⁸, а Зигмунт Бауман – как «текущую современность»¹⁹, стоическая парадигма внутреннего суверенитета оказывается не просто релевантной, но и жизненно необходимой. Ее сила заключается в том, что она не борется с симптомами (экологический кризис, информационный шум, психологическая неустойчивость), а предлагает пересмотр самой субъективной позиции, из которой эти симптомы проистекают. Стоицизм становится не просто философией, а методологией выживания и сохранения достоинства в условиях перманентного кризиса.

Глобальный экологический кризис является прямым следствием не только технологической модели, но и лежащей в ее основе психологической установки – ненасытной алчности, возведенной в ранг добродетели потребительским обществом. Современный человек, как верно диагностировал Эрих Фромм, ориентирован не на «бытие», а на «обладание»²⁰. Эта установка системно культивируется и является главным двигателем экономики роста, ведущей планету к коллапсу. Стоицизм предлагает радикальную альтернативу – этику осознанной достаточности и самодостаточности. Когда Сенека призывает ограничить желания, чтобы не нуждаться, он формулирует не просто аскетический идеал, а экологический императив. Умеренность (*temperantia*) для стоика – это не самоограничение, а форма свободы: свободы от диктата бесконечных желаний, которые делают человека заложником внешних ресурсов и разрушительной логики их добычи. В мире ограниченных ресурсов стоический

¹⁸ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 67.

¹⁹ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. С. 192-193.

²⁰ Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2014. С. 84.

призыв довольствоваться малым и находить богатство во внутреннем мире, а не в накоплении внешних благ, оказывается не просто моральным выбором, а стратегией видового выживания. Это проактивная экология духа, которая неминуемо ведет и к экологии природной, ибо пересматривает саму цель человеческого существования, смещая ее с обладания на бытие в согласии с универсальным логосом, частью которого является и хрупкая природная среда.

Эпоха «информационного шума», клипового сознания и экономики внимания породила беспрецедентную эпидемию тревожных расстройств, выгорания и экзистенциальной растерянности. Нервная система современного человека подвергается бомбардировке стимулами, новостными циклами катастроф и социальным давлением, культивируемым цифровыми платформами. В этом контексте стоицизм предлагает не теорию, а конкретный инструментарий ментальной гигиены и когнитивного иммунитета. Практика *premeditatio malorum* (мысленное предвосхищение невзгод) является вакцинацией против катастрофизации, которую провоцирует медиапространство. Систематически готовя ум к худшему, стоик не впадает в панику, когда оно происходит – он встречает его как знакомый, уже проработанный сценарий. Дихотомия контроля служит фильтром, отсекающим импотентное беспокойство о глобальных процессах и мнениях случайных людей в сети, и направляющим энергию на единственно доступную и продуктивную зону — собственные действия и установки. Не случайно основатель когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) Альберт Эллис²¹ прямо заявлял о своем интеллектуальном долге перед Эпиктетом, чья максима «людей расстраивают не сами вещи, а их мнения об этих вещах» стала краеугольным камнем современной психотерапии. Таким образом, стоицизм оказывается не просто историческим предком, а действующей, проверенной временем системой психопрофилактики и самопомощи, не уступающей по эффективности современным методам, но превосходящей их своей цельностью и философской глубиной.

Современное общество переживает кризис больших нарративов, описанный Лиотаром, но на смену им пришли не рациональные дискурсы, а гибридные формы идеологического манипулирования, *tribalism* и эрозия публичной сферы. Человек оказывается заложником «войны идентичностей», поляризованного информационного поля и диктата политической корректности. В этих условиях стоицизм предлагает позицию мета-идеологического суверенитета. Он не требует веры в догмы, партийные программы или медийные нарративы, а призывает к лояльности единственной инстанции – собственному разуму (*logos*). Пусть твоим единственным содержанием и единственным делом будет желание стать наконец достойным силы, что все направляет. Эта «сила» – не внешняя идеология, а внутренний нравственный закон. Стоик оценивает любую внешнюю информацию и идеологическое предложение не с позиции «свой-чужой», а с позиции универсальной добродетели и разумности. Это позволяет ему сохранять независимость суждения, не впадая ни в циничный

---

²¹ Эллис А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход. СПб.: Сова ; М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 254.

нигилизм, ни в слепой фанатизм. Стоицизм – это «светская духовность», которая предлагает дисциплину ума и силу духа без необходимости присягать на верность какой-либо внешней метафизической или политической системе.

Разумеется, стоический путь встречает сопротивление, порожденное самими патологиями, которые он стремится излечить. «Стоицизм – это бесчувственность?» – этот упрек проистекает из культуры, которая патологизирует любую форму эмоционального самоконтроля, выдавая его за подавление. Однако стоицизм – это не анестезия, а разумная оценка и управление аффектами. Стоик испытывает боль и горе, но не позволяет им собой управлять. Он не подавляет эмоции, а подвергает их суду разума, лишая их разрушительной, иррациональной силы. «Это слишком сложно для обычного человека?» – да, это путь, а не простое решение. Но и религиозное спасение требует усилий – поста, молитвы, соблюдения заповедей.

Заключение

Кризис «больших нарративов» обнажил системный порок модели «внешнего спасителя»: религия, идеология, сциентизм и консьюмеризм, эксплуатируя базовые страхи, консервируют инфантильную субъектность. Разрешение этого тупика требует не поиска нового спасителя, а смены парадигмы.

Стоицизм предлагает такую альтернативу через коперниканский поворот вовнутрь. Его инструментарий — дихотомия контроля, когнитивная переоценка страдания и *premeditatio malorum* — представляет собой не теорию, а оперативную методологию деконструкции зависимостей. Страдание здесь не устраняется, но обезвреживается через принятие и переосмысление; тревога замещается проактивной готовностью; гедонистическая погоня – культивацией добродетели.

Актуальность стоицизма подтверждается его кросс-культурной релевантностью, включая рецепцию в православной аскетике (протоиерей А. Ткачѳ), где он служит мостом между светской и религиозной моделями зрелости.

В условиях современных вызовов стоицизм демонстрирует структурную эффективность: в контексте экологического кризиса он предлагает этику осознанной достаточности как антитезу культуре гиперпотребления; перед лицом информационного шума его практики служат инструментами ментальной гигиены и когнитивного иммунитета; в ситуации идеологической раздробленности он утверждает мета-идеологический суверенитет разума, основанный на лояльности не внешним догмам, а внутреннему нравственному закону.

Стоицизм утверждается как рациональное мировоззрение для мыслящего меньшинства, обретающего свободу не через изменение мира, а через окончательный суверенитет над собственным разумом. Его сила – в безжалостном реализме и ориентации на действие.

Литература

1. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека. – М.: Республика, 2003.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – СПб.: Алетейя, 1998.
5. Марк Аврелий Антонин. Размышления. – М.: АСТ, 2018.
6. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Marks.K%20kriiike.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).
7. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: Прогресс, 1994.
8. Новый Завет (Господа Нашего Иисуса Христа) . – СПб.: СЗКЭО, 2024.
9. Протоиерей Андрей Ткачѳв. Четыре главные добродетели: Мудрость стойков и Евангелие [Видеозапись] // Святая проповедь. – 2019. – 5 сент. – URL: <https://ok.ru/video/1573350475097> (дата обращения: 15.07.2024).
10. Путин сравнил коммунистическую идеологию с христианством // ТАСС. 2018. 14 янв. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4872596> (дата обращения: 05.10.2023).
11. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М.: Республика, 1995.
12. Рэнд А. Капитализм: незнакомый идеал / с добавлением статей Натаниэля Брандена, Алана Гринспена и Роберта Хессена. – М.: Альпина Паблишер, 2011.
13. Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. – М.: АСТ, 2018.
14. Сумедхо А. Четыре благородные истины. – М.: Т8 Издательские Технологии, 2022.
15. Талмуд. Мишна и Тосефта. Т. 1. – СПб.: Издание П. П. Сойкина, 1902.
16. Фейербах Л. Сущность христианства. – СПб.: Прометей, 1908.
17. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986.
18. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. – М.: АСТ: Хранитель, 2007.
19. Фромм Э. Иметь или быть? . – М.: АСТ, 2014.
20. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход. – СПб.: Сова; М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
21. Dweck C.S. Mindset: The New Psychology of Success. – New York: Random House, 2006.

The philosophy of stoicism in a critical perspective: on the problem of subject deinfantilization in the age of systemic dependency

Author: Sergey Vladimirovich Sakhnevich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor. Institute of Business Career, Head of the Department of Linguistics

Abstract. The article is devoted to solving the urgent problem of achieving existential sovereignty in the conditions of the systemic exploitation of human dependency by the paradigm of the «external», inherent in ideological and scientific systems. Many religious systems, such as Catholicism, Protestantism, Judaism, and Buddhism, often cultivate an approach to religion as a means of alleviating the human condition, which, to a certain extent, can also be characteristic of Orthodoxy. However, within the latter, particularly among such influential figures as Protopriest Andrey Tkachyov, a fundamentally different trend is observed, drawing inspiration from the philosophy of Stoicism. The Stoics, in contrast to the search for external consolation, essentially elevated meaningful suffering to a cult of virtue and inner fortitude. This worldview position turns out to be deeply connected with the ascetic core of early Christianity. If in the Jewish tradition prayer is often aimed at asking God for relief from earthly burdens, then in radical Christian asceticism a paradoxical attitude arises for an external observer: the believer asks not for a reduction in suffering, but for its increase, which is a form of spiritual feat. Thus, Orthodoxy, through its appeal to Stoic practices, offers not an escape from reality, but a methodology for transforming suffering through its voluntary acceptance and cognitive reassessment. This allows us to consider Stoicism not as a historical artifact, but as a viable strategy for gaining inner autonomy – existential sovereignty. In the context of modern crises, such a toolkit demonstrates high practical value, forming psychological resilience and cognitive immunity, removing the individual from the power of external circumstances.

Keywords: appeal to an external source of meaning legitimation; achievement of existential sovereignty; crisis of grand narratives; Stoicism as a method for deconstructing dependency mechanisms; tripartite existential demand as the architecture of any worldview system.

References

- Bauman Z. *Tekuchaja sovremennost'*. – Saint Petersburg, Piter, 2008. (In Russ.)
- Bek U. *Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. – Moscow, Progress-Tradicija, 2000. (In Russ.)
- D'ui D. *Rekonstrukcija v filosofii. Problemy cheloveka*. – Moscow, Respublika, 2003. (In Russ.)
- Dweck C. S. *Mindset: The New Psychology of Success*. – New York, Random House, 2006
- Fejerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki*. – Moscow, Progress, 1986. (In Russ.)
- Fejerabend P. *Protiv metoda. Oчерk anarhistской теории познания*. – Moscow, AST: Hranitel', 2007. (In Russ.)
- Fejerbakh L. *Sushhnost' hristianstva*. – Saint Petersburg, Prometej, 1908. (In Russ.)
- Fromm Je. *Imet' ili byt'?*. – Moscow, AST, 2014. (In Russ.)
- Jellis A. *Gumanisticheskaja psihoterapija: Racional'no-jemocional'nyj podhod*. – Saint Petersburg, Sova; Moscow, JeKSMO-Press, 2002. (In Russ.)
- Liotar Zh.-F. *Sostojanie postmoderna*. – Saint Petersburg, Aletejja, 1998. (In Russ.)
- Mark Avrelij Antonin. *Razmyshlenija*. – Moscow, AST, 2018. (In Russ.)

- Marks K. *K kritike gegelevskoj filosofii prava*. Jelektronnaja biblioteka «Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii». Available at: <http://www.civisbook.ru/files/File/Marks.K%20kriike.pdf> (accessed 05.10.2023). (In Russ.)
- Nicshe F. *Tak govoril Zaratustra*. – Moscow, Progress, 1994. (In Russ.)
- *Novyj Zavet* (Gospoda Nashego Iisusa Hrista). — Saint Petersburg, SZKJeO, 2024. (In Russ.)
- Tkachyov A. *Chetyre glavnye dobrodeteli: Mudrost' stoikov i Evangelie [Videozapis'] // Svyataya propoved'*. – 2019. – 5 sent. – URL: <https://ok.ru/video/1573350475097> (data obrashcheniya: 15.07.2024)
- *Putin sravnil kommunisticheskiju ideologiju s hristianstvom*. TASS. Available at: <https://tass.ru/obshchestvo/4872596> (accessed 05.10.2023). (In Russ.)
- Rimskie stoiki: *Seneka, Jepiktet, Mark Avrelij*. – Moscow, Respublika, 1995. (In Russ.)
- Rjend A. *Kapitalizm: neznakomyj ideal*. – Moscow, Al'pina Pablisher, 2011. (In Russ.)
- Seneka L.A. *Nravstvennye pis'ma k Luciliju*. – Moscow, AST, 2018. (In Russ.)
- Sumedkho A. *Chetyre blagorodnye istiny*. – Moscow, T8 Izdatel'skie Tehnologii, 2022. (In Russ.)
- Talmud. *Mishna i Tosefta*. Tom 1. – Saint Petersburg, Izdanie P. P. Sojkina, 1902. (In Russ.)